**ХРИСТИАНСКОЕ ПОНИМАНИЕ СМЕРТИ В ПРОЗЕ
В. М. ГАРШИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «НОЧЬ»)**

А. И. Нестер

*Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса, 31,
220030, г. Минск, Беларусь, annanoy91@gmail.com*

В статье системно рассматривается концепт смерти в свете авторского миромоделирования с учетом христианской парадигмы в рассказе В. М. Гаршина «Ночь» (1880) и его рецепция литературным критиком Н. К. Михайловским (статьи «О Всеволоде Гаршине» (1883), «Еще о Гаршине и других» (1885)). По результатам комплексного анализа художественного текста и внетекстовых (биографических, политических, религиозных) аспектов оспариваются некоторые выводы Михайловского, раскрывается сущность взаимовлияния литературы и критики.

Ключевые слова: В. М. Гаршин; Н. К. Михайловский; рассказ «Ночь»; христианские мотивы в прозе; концепт смерти в литературе; литература и критика.

**CHRISTIAN UNDERSTANDING OF DEATH IN THE PROSE
OF V. M. GARSHIN (BASED ON THE TALE “NIGHT”)**

A. I. Nester

*Belarusian State University, st. K. Marksa, 31,
220030, Minsk, Belarus, annanoy91@gmail.com*

The article systematically considers the concept of death from the standpoint of the author's worldmodeling in terms of the Christian paradigm in V. M. Garshin's tale “Night” (1880) and its perception by literary critic N. K. Mikhailovsky (articles “About Vsevolod Garshin” (1883), “More about Garshin and others” (1885)). Based on the results of a complex analysis of the artistic text and extra-textual (biographical, political, religious) aspects, some of Mikhailovsky's conclusions are argued, and the marrow of the mutual influence of literature and criticism is revealed.

Key words: V. M. Garshin; N. K. Mikhailovsky; the tale “Night”; christian motives in the prose; the concept of death in literature; literature and criticism.

Литературное творчество неразрывно симбиотически связано с профессиональной критикой. Порой одна статья именитого автора может существенно изменить жизнь писателя. Кроме того, именно критические обзоры позволяют косвенно присоединиться к полемике и понять нюансы литературного процесса прошлого, обратить внимание на детали, раскрывающие особенности перцепции одного и того же текста сквозь времена и эпохи. Кроме того, именно бурное обсуждение, плюрализм

мнений и мощный эмоционально-чувственный шлейф после прочтения, находящий выражение в трудах критиков, сигнализируют о художественно-выразительном потенциале писателя, его творческой силе.

Н. К. Михайловский — один из выдающихся русских публицистов, социолог, литературовед и критик второй половины XIX — начала XX вв. Он сотрудничал с журналами «Отечественные записки», «Северный вестник» и «Русская мысль», газетой «Русские ведомости». С 1892 года совместно с В. Г. Короленко стал одним из редакторов журнала «Русское богатство». В критике считается продолжателем Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. В литературно-критических работах анализировал творчество Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Г. И. Успенского, В. М. Гаршина, М. Горького, З. Н. Гиппиус и других. Значительный общественный резонанс получили статьи «Десница и шуйца Льва Толстого» и «Жестокий талант» (о Достоевском), однако мы обратим внимание на его критическую оценку творчества Всеволода Гаршина.

Писатель и критик были знакомы. Михайловский высоко ценил Гаршина и обнаруживал в нем большой потенциал. На одной из вечеринок художника Николая Ярошенко у Гаршина с Михайловским произошел небольшой конфликт. Последний не разделял восторгов по поводу только что появившейся в печати чеховской «Степи» (1888), и Гаршин обратился к нему со словами: «Вот вы, Николай Константинович, возлагали на меня большие надежды. Я их не оправдал, и все же могу спокойно умереть, так как их вполне оправдывает другой — Антон Чехов» [6, с. 143]. Писатель, вероятно, ощущал глубокий душевный упадок, свойственный его натуре. Впрочем, он всегда был достаточно суров и критически настроен по отношению к собственным работам.

Рассказ «Ночь», опубликованный в 1880 году, был принят тепло: о нем с восхищением отозвался даже Л. Н. Толстой. Название выходит за рамки топоса и простой декорации, заключая в себе архетипические черты. Оно восходит к древнейшим бинарным оппозициям (день — ночь, право — лево, свой — чужой, свет — тьма, добро — зло и пр.). Ночь понимается как «состояние физической среды, которое поглощает все формы, цвет, динамику и уже в древнем мифе характеризуется как состояние бесформенности, статичности, монохромности, делающее невозможным или обманчивым зрение» [7].

В произведении ночь становится духовным испытанием героя. В начале рассказа мы наблюдаем его в крайне подавленном, депрессивном состоянии, осложненном слуховыми галлюцинациями, загнанным в угол собственным «я». Замкнутое пространство комнаты и сгущающиеся сумерки угнетают все больше, постепенно доводя до критической точки потери контроля: личность Алексея Петровича как бы расщепляется, по-

является некое мыслеподобие допфельгангера. Практически свершившуюся попытку суицида предупреждают колокола, символически призывающие главного героя искать смысл не в земном воплощении души, а в вечном, выйти за рамки собственной личности. Затем в сюжетно-композиционную структуру «Ночи» ретроспективно вводятся воспоминания главного героя о детстве и об отце, которые считаются проявлениями автобиографического в рассказе и играют центральную, стержневую, смыслообразующую роль.

Главный герой, подобно блудному сыну, приходит к истине; в произведение вводится библейский текст — отрывок из Евангелия от Матфея: «Если не обратитесь и не будете как дети...» (Мф 18:3).

Явно прослеживается параллель и со «Сном смешного человека» Ф. М. Достоевского, в котором именно человеческую гордыню необходимо истребить через духовное уничтожение пред Божьим величием: «Вырвать из сердца этого скверного божка, уродца с огромным брюхом, это отвратительное Я, которое, как глист, сосет душу и требует себе все новой пищи» [4, с. 129]. Герой «Ночи» с содроганием вспоминает времена, когда избиение крестьянина могло довести его, еще мальчишку, до слез, и постепенно приходит к мысли, что необходимо искоренить всяческие эгоистические побуждения и разделить чужие горести не только в эмпирически-религиозном смысле, но и действительно: «Страшно; не могу я больше жить за свой собственный страх и счет; нужно, непременно нужно связать себя с общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидеть и любить не ради своего „я“, все пожирающего и ничего взамен не дающего, а ради общей людям правды, которая есть в мире, что бы я там ни кричал, и которая говорит душе, несмотря на все старания заглушить ее» [4, с. 130]. Роднит рассказы и экзальтация, разрешение моральной дилеммы путем обращения к Богу, и мотив несовершенного самоубийства.

Ряд исследователей считает возможным отнесение Алексея Петровича к типу «слабого человека». Слабый человек живет без точки опоры, рассеян в суете, он существует вне себя, а это обрекает на поверхностный контакт с миром. Он действительно слаб, по-человечески бессилён перед лицом порока, но происходящая в нем внутренняя борьба уже свидетельствует о попытке искоренить тьму в себе.

«Но недолог был этот переворот в Алексее Петровиче: еще один психический толчок, и он все-таки покончил с собой...» [5, с. 307].

Рассказ вызвал особый интерес у читающей публики и у критиков. Михайловский в своих трудах обращался к нему неоднократно. В статье «О Всеволоде Гаршине» (1885) рассмотрены многие произведения автора. «Ночи» в ней отводится не слишком много внимания. Критик отмечает, что «проповедь любви к ближнему и презрения к узкому эгоизму

есть проповедь очень старая по времени и хотя не стареющая по результатам, то есть по слабости результатов, но все-таки очень элементарная» [5, с. 308], однако текст Гаршина в идейном отношении, по его мнению, не ограничивается этим трюизмом. Напротив, ему присуща некоторая «высшая оригинальность». Осознание личного несчастья умозрительно толкает его не к поиску счастья, а к слиянию с общим горем. При этом одиночество Алексея Петровича носит характер более духовный, нежели социальный, ведь он не ощущает любви к ближним — всеобъемлющей, безусловной. Однако финал произведения был истолкован, как выяснилось, неверно.

Сущность «ошибки» в том, что Михайловский воспринял смерть героя как совершенное после квазирелигиозного экстаза самоубийство. По замыслу же автора трагедия произошла из-за «бурного прилива нового чувства, физически выразившегося разрывом сердца» (стоит отметить, что подобная амплитудность чувств свойственна многим героям Гаршина; впрочем, ею обладал и сам автор в силу лабильности психики). Именно это обстоятельство обусловило создание статьи «Еще о Гаршине и других» в том же 1885 году.

Критик признает огромную разницу между двумя трактовками финала, однако все же хочет «несколько оправдаться», обосновав свои первоначальные выводы. Он воспроизводит последние абзацы из оригинального художественного текста в полном объеме, сохраняя все детали: «Я сделал полную и точную выписку конца „Ночи“: строка точек имеется и в подлиннике, и в ней-то я и прочел новый психический толчок и затем треск и блеск револьвера, момент выстрела. Правда, серый свет утра освещает „заряженное“ оружие, но этот единственный намек на то, что выстрела не было, я, каюсь, просмотрел, как, смею думать, большинство читателей г. Гаршина. Смею думать также, что ошибка моя нисколько не колеблет тех выводов, к которым я пришел относительно писаний г. Гаршина вообще» [5, с. 313]. Действительно, обратить внимание на эту филигранную художественную деталь смог бы не каждый, но при этом именно она существенно влияет на восприятие происходящих в рассказе событий.

Михайловский сравнивает Алексея с Фаустом, подчеркивая амбивалентность его чувств и неразрешимость внутреннего противоречия, персонафицировавшегося в двух голосах — двух противоборствующих началах души героя: «Алексей Петрович мог бы сказать о себе, как Фауст: „Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust“ [Две души живут в моей груди]. Два голоса явственно полемизируют в нем» [5, с. 313–314].

Далее Михайловский подчеркивает исключительную значимость категории одиночества в мироконцепции творчества Гаршина: «Все или

почти все произведения г. Гаршина представляют художественный комментарий к великому в своей простоте: „не добро быть человеку единому“» [5, с. 314].

Однако, несмотря на столь мрачный вывод, Михайловский надеется, что когда-нибудь писатель «разрушит эту коалицию стихийного процесса» и отразит в своих будущих произведениях возможность вырваться из этого замкнутого круга — хотя бы в качестве исключения.

Критик высоко оценивает творчество Гаршина, перспективу его дальнейшего развития, подчеркивая всеобъемлющий вопрос, который автор ставит перед собой (противостояние человеческого достоинства и «стихийного процесса»). В этом он видит причину и затрудненности восприятия текстов писателя реципиентами, и недооцененности со стороны современных литературных критиков.

В анализируемой статье напрямую не затрагиваются социально-политические аспекты творчества (что, впрочем, вполне закономерно), однако скорбь, пессимизм и относительная автономность Гаршина в вопросе народнических утопий все же внушали Михайловскому некоторую тревогу. Г. А. Бялый, подготовивший сборник статей критика, во вступлении излагает следующее: «Творчество Гаршина, как мы видим, заставило Михайловского насторожиться при виде того, что новое поколение писателей-демократов идет своим особым путем и в исканиях своих отходит довольно далеко от программных положений ортодоксального народничества» [2, с. 34]. Тем не менее, стоит отметить, что разность взглядов не стала препятствием к справедливо высокой оценке творчества Гаршина.

Михайловский удивительно тонко прочувствовал ощущения смятения, трагической разобщенности и фрустрации, неотступно преследовавшие не только героев Гаршина, но и его самого. К сожалению, спустя всего три года жертвой пресловутого «стихийного процесса» стал сам писатель, добровольно покинувший земной мир во время очередного приступа душевной болезни. Многие идеи «грустного гения с талантом человечности» остались нереализованными, однако даже то, что мы имеем возможность прочитать сегодня, свидетельствует о выдающемся таланте и огромном творческом потенциале, отмечаемых критиком, которым, увы, не суждено было реализоваться.

И все же есть один очень важный и в корне неверный вывод критика, нуждающийся в комментарии. По его изначальному предположению, именно злое, греховное в Алексее Петровиче побеждает, о чем свидетельствует мнимое самоубийство. После опровержения данной теории Михайловский приходит к следующей мысли: «с известной точки зрения

такой финал еще безотраднее простого самоубийства» [5, с. 314]. Можно ли с этим согласиться?

Гаршин, как известно, был человеком набожным. Различные религиозные мотивы и символы обнаруживаются в его творчестве. Следовательно, для него был абсолютно очевидным тот факт, что самоубийство в христианстве является самым тяжким грехом, ибо оно, во-первых, делает покаяние невозможным и, во-вторых, являет собой некоторый вызов Богу, преждевременное самовольное возвращение его наивысшего дарования, оскорбление всего сущего. В такой концепции мира естественная смерть, в сущности, представляет собой лишь закономерный переход.

Интерес вызывает позиция Ю. И. Айхенвальда. Алексея Петровича он считает живым воплощением самосознания, осужденного совестью: «его душа так неутомонна и неусыпна, что он лишен великого успокоения привычки. Сплошная рефлексия, которая не привыкает, Алексей Петрович чужд этой силе, и от него далеки усыпление и дремота обычности. Этот неспящий, непривыкающий человек — Агасфер своей возбужденной мысли. На протяжении восьми шагов кабинета он уподобляется Вечному Жиду» [1] (именно Агасфером подписывался Гаршин еще в гимназические времена [3]). Его основной моральной тяготой становится ощущение нравственной задолженности. Несуществование видится более чистым, добрым, этичным по отношению к другим. Эти мысли рассеивает благовест. Короткая и, как оказалось, убийственная вспышка духовного прозрения. Айхенвальд все же считает это воплощением счастья для героя: «По крайней мере, общий дух произведений Гаршина учит нас, что совесть неудовлетворима, и если бы страдалец „Ночи“ сумел перенести свое возрождение и ступил на желанную тропу живого дела, то с ним могла бы произойти специфически-гаршинская драма: дело привело бы его к убийству, обагрило бы его кровью и совесть продолжала бы свою пытку» [1]. Это заключение тоже видится спорным, будто бы воплощая другую крайность в восприятии, намеренное уплотнение художественного текста.

Невозможно определить, к чему бы привел Алексея Петровича путь духовного возрождения. Автор не дает ему второго шанса в мире земном — опасаясь ли его природной слабости, не видя ли иного пути, — версий может быть множество. Очевидно то, что для героя главным деянием стало спасение собственной души. Заряженный револьвер рядом с улыбающимся трупом — символ покорности, подчинения божественной воле. Смерть в произведениях Гаршина далеко не всегда трагична: в «Красном цветке», например, она избавляет безумца от мук. Сложно определить градус безумия Алексея Петровича. Возможно, проиллюстрированный эпизод стал апогеем его душевного недуга. Успокоение он

нашел не только в потенциальном присоединении к «общему горю», но и в смирении, в отречении от самолюбивой, человеческой части собственного «я», в признании непревзойденного величия высшего закона. И, вероятно, эта мысль многими осталась бы пропущена и недопонята, если бы не ошибка Михайловского и его же реакция на исправление автором.

Библиографические ссылки

1. *Айхенвальд Ю. И.* Гаршин // Силуэты русских писателей: В 3-х выпусках. Вып. 1. М., 1906–1910 [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/garshin/aihenv_garshin.html (дата обращения: 22.04.2024).
2. *Бялый Г. А.* Н. К. Михайловский — литературный критик. // Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 3–44.
3. *Гаршин В. М.* Автобиография В. М. Гаршина // В. М. Гаршин. Письма [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_0360.shtml (дата обращения: 25.04.2024).
4. *Гаршин В. М.* Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма / Сост. В. И. Порудоминский. М., 1984.
5. *Михайловский Н. К.* Литературно-критические статьи. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957.
6. *Фидлер Ф. Ф.* Всеволод Михайлович Гаршин // Современники о В. М. Гаршине / вст. ст., подг. текста и примеч. Г. Ф. Самосюк. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1977.
7. *Фуртай Ф.* «Ночь» и «День» как архетипы большого художественного стиля [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/noch-i-den-kak-arhetipy-bolshogo-hudozhestvennogo-stilya/viewer> (дата обращения: 21.04.2024).